

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

УДК 323.21

ГРАЖДАНСКИЕ ПРАКТИКИ И БАЗОВЫЕ МОДЕЛИ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ¹

С.Г. Максимова (<https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>),
Д.А. Омельченко (<https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>),
О.Е. Ноянзина (<https://orcid.org/0000-0002-1252-6021>),
О.В. Сургаева (<https://orcid.org/0000-0002-6535-2838>)

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: svet-maximova@yandex.ru, daria.omelchenko@mail.ru,
noe@list.ru, bubuka_s@mail.ru*

Общественно-политические процессы в современной России характеризуются усилением внимания общественности, политических элит и научного сообщества к привлечению рядовых граждан как индивидуальных и коллективных субъектов к управлению государством, решению острых социальных проблем. Расширение спектра и пересмотр значимости форм гражданского и политического участия, трансформация общественного сознания и его ценностно-мотивационных компонентов, связанных с социальной активностью граждан, выступают объективным основанием для необходимости их изуче-

---

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 19-011-31434 ОПН «Гражданская идентичность, гражданские инициативы и социальная активность населения как основа формирования гражданского общества в современной России» (2019 г.).

ния. Данные социологических исследований, проведенных в 2019 г. в трех сибирских регионах — Алтайском крае, Республике Алтай и Новосибирской области, легли в основу анализа опыта общественно-политической деятельности. Анализ поведенческих практик с помощью факторного анализа и регрессионного моделирования позволил описать семь базовых моделей гражданского участия, различающихся формами и направлениями деятельности, характером взаимодействия с органами власти, общественными и политическими организациями. Для каждой модели определен набор детерминант, включающих социально-демографические факторы и региональную специфику, социально-экономические факторы и ценностно-мировоззренческие основания.

Ключевые слова: гражданские инициативы, гражданское участие, политическое участие, гражданская идентичность, гражданственность, модели гражданского участия, сибирский регион.

CITIZENSHIP PRACTICES AND BASIC MODELS OF PARTICIPATION IN PUBLIC LIFE IN CONTEMPORARY SIBERIAN REGION

S.G. Maximova, D.A. Omelchenko, O.E Noyanzina, O.V. Surtaeva

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: svet-maximova@yandex.ru, daria.omelchenko@mail.ru, noe@list.ru,
bubuka_s@mail.ru*

Social and political processes in contemporary Russia are characterized by increased attention of public communities, political elites and academics devoted to involvement of citizens as individual and collective actors into public administration management, resolution of sharp social problems. Extension of the inventory and changes in meaning of forms of civic and political participation, transformation of public conscience, especially its motivation and value-based components related to social activity of citizens, serve an objective ground for their careful scientific analysis. Data of sociological surveys, conducted in 2019 in three Siberian regions — the Altai territory, the Republic of Altai and the Novosibirsk region, were used as a basis for the analysis of civic and political participation experience. The analysis of behavioral practices by means of factor analysis and regression modeling helped to identify seven basic models of civic participation, differing by forms, course of action and character of interaction with authorities, public and political organizations. For each model a set of determinants was defined, included socio-demographic factors and regional peculiarities, socio-economic, value-based and attitudinal grounds.

Keywords: citizens' initiatives, civic participation, political participation, civic identity, civicness, civic participation models, Siberian region.

DOI 10.14258/ssi(2019)3-6360

Введение

Современная модель гражданского участия, сложившаяся в постиндустриальных обществах (к которым в определенной степени можно отнести и Россию), основывается на расширенном понимании общественно-политической деятельности, не ограниченной рамками национального государства, вектор которой направлен не только на правительство и государственные институты, но и на других политических и социальных акторов.

В качестве политического начинает рассматриваться любое действие, в том числе индивидуальное, подрывающее установленные иерархии ценностей, норм и социальных институтов (Омельченко, Авдеева, 2015). Эти действия все более активно перемещаются в сферу частной жизни, в область альтернативных и более индивидуализированных способов самовыражения, что нашло отражение в концепциях «личного политического» (Carrol, 1989), «субполитики» (Beck, 1997), «персонализированной политики» (Lichterman, 1996), «политики жизненного стиля» (Bennett, 1998; Giddens, 1991; Micheletti & Stolle, 2011). В дополнение к конвенциональным формам, эти проекты отражают идеалы сетевого управления и обычно имеют горизонтальную неиерархическую природу. Процесс опосредованной сетевыми технологиями политической мобилизации описывается микродействиями индивидуальных агентов, участия на основе потребности, отсутствии четко определенных обязательств (Garrett, 2006).

Такой подход основывается на понимании ключевых характеристик поздней или «текучей» современности (Beck, 1996; Bauman, 1999; Giddens, 1991). Глубинные социокультурные трансформации, придавшие современным обществам черты высоко медиатизированных, технологически развитых и в то же время в крайней степени индивидуализированных обществ, предопределили пересмотр определения «политического» в его обычном понимании (Zukin et al., 2006; Dahlgren, 2003; Fenton, 2010; Kahne, Hodgins, & Eidman-Aadahl, 2016).

К примеру, термин «политика жизненного стиля» описывает процесс трансформации личности и индивидуального образа жизни, связанный с субъективным жизненным опытом, в котором глобализация оказывает влияние на саморефлексию, а процессы самореализации, в свою очередь, оказывают влияние на глобальные стратегии (Giddens, 1991: 214). Согласно Р. Иглхарту (1997), произошедший культурный поворот обуславливает отход от традиционного классового политического конфликта в сторону усиления акцентирования проблем качества жизни, что связывается им со сменой ориентации на постматериальные ценности. Живя в условиях стабильности и материальной безопасности, люди пытаются больше инвестировать в окружающую среду, демократию или права человека. Распространение таких ценностей позитивно ассоциируется с молодым поколением и проявляется в альтернативной политической активности, в которой граждане больше ориентированы на ценности идентичности, самовыражения, самореализации, интеллектуального или эстетического удовлетворения, чем на ценности физической или экономической безопасности.

В связи с расширением репертуара политических действий, которые стали затрагивать практически все аспекты социальной жизни, произошло значительное

размытие, увеличение неоднозначности и смешение терминов «гражданское участие» и «политическое участие». Так, Van Deth (2001) приходит к неутешительному заключению о том, что исследование политического участия становится «изучением всего на свете», а Berger (2009) саркастически замечает, что изучение гражданского участия в политических науках стало чем-то вроде кустарного производства («cottage industry»), что сам термин давно перестал быть эффективным и испытывает на себе негативное влияние концептуального «стретчинга».

Campbell (2009) приводит попытку «разведения» двух феноменов, указывая, что гражданское участие состоит из «не вознаграждаемых, общественно значимых коллективных действий, мотивация которых не связана с желанием воздействия на политику государства», тогда как политическое участие предполагает «действия отдельных лиц, в большей или меньшей степени направленные на продвижение (путем выборов) правительственных/государственных чиновников и оказание влияния на их деятельность». Подобное различие отчасти базируется на классических определениях политического участия, возникших во второй половине прошлого века в недрах американской политологии, для которой оно было неразрывно связано с электоральной активностью и представительной демократией.

К числу наиболее известных подобных дефиниций можно отнести:

- «действия отдельных граждан, с помощью которых они хотят повлиять или поддержать государство и политику» (Milbrath & Goel 1977: 2);
- «действия граждан, стремящихся оказать влияние на формирование и действия правительства, которые оно осуществляет» (Verba & Nie, 1972: 2);
- «...любая добровольная индивидуальная активность граждан, направленная на прямое или косвенное влияние на политический выбор на различных уровнях политической системы» (Kaase & Marsh, 1979: 42);
- «...гражданские действия, оказывающие влияние на принятие решений представительными органами и официальными властями» (Parry, Moysen & Day, 1992: 16).

Несмотря на то что в данных определениях подчеркиваются различные аспекты, их общими чертами выступают: осознанный выбор и активный характер участия, наличие не только внутренних (определенных политических убеждений, взглядов, установок), но и внешних проявлений политической активности; добровольный характер, неприемлемость принуждения (нельзя быть сознательным гражданином поневоле); возможность решения вопросов управления и политики в широком смысле как политической системы, не ограниченной специфическими фазами и уровнями.

В качестве примера более поздних определений, отражающих кризисное состояние современных демократий в эпоху глобализации, для которых характерно снижение традиционного политического участия и недоверие к политическим институтам, можно отнести данное П. Норрис: «политическое участие — это любые измерения активности, прямым образом воздействующие на правительственные структуры и политический процесс, либо косвенно оказывающие влияние на гражданское общество, либо пытающиеся применять другие альтернативные паттерны социального поведения» (Norris, 2001:16).

Российские политологи (О.Г. Щенина, С.Н. Захаров, Д.В. Коннычев, М.М. Назаров и др.) рассматривают политическое участие в контексте формирования политических институтов и выработки политических решений, подчеркивая, что политические практики испытывают значительное влияние действующих политических режимов. Отражая существующие представления в мировой науке, определения российских ученых характеризуются акцентом на полисубъектном характере политического участия, возможности его приложения на различных уровнях политической системы, существующей взаимосвязи с политической культурой, состоянием социально-экономической сферы.

Дефиниции гражданского участия, гражданской активности в большей степени ориентированы на индивидуальные и коллективные права, обязанности и свободы, приобретаемые в ходе получения гражданства, формирования гражданской идентичности.

Так, С.В. Патрушев (2009), исследуя гражданскую активность на основе институционального подхода, предлагает выделять два ее типа: *гражданское участие*, под которым он понимает «адаптивную публичную активность, связанную с реализацией универсальных прав и свобод и требующую наличия определенных компетенций, обеспечивающую достижение индивидуальных, групповых и общественных целей в существующих институциональных условиях». Именно гражданское участие, по мнению автора, обеспечивает воспроизводство конституирующих ценностей и норм гражданского общества, сложившихся институциональных практик, а также гражданской идентичности. Гражданское участие может быть как индивидуальным, так и коллективным, ориентированным на решение проблем отдельных общностей, общественным и, в перспективе, глобальным. В отличие от гражданского участия, *гражданское действие* является неадаптивной формой публичной активности, связанной с проблемами в реализации универсальных прав и свобод. Оно направлено на «трансформацию сложившихся институциональных практик и их нормативно-ценностных оснований» (Патрушев, 2009: 26). Основаниями для различения гражданского и негражданского видов действия выступают солидарность, общественное доверие, равенство и реципрокность как осознание взаимной обусловленности (там же).

Рассуждая о гражданском участии, М.Р. Холмская (1999) отмечает, что оно задается соответствующими государственно-правовыми институтами, нормами и процедурами, образующими основы правового демократического государства. Речь идет о «конституционно зафиксированной и гарантированной возможности граждан публично высказывать свою позицию, объединяться с единомышленниками для обмена мнениями, для пропаганды своих взглядов, для оказания организованного влияния на органы власти, выдвигать свою кандидатуру на выборах и т.п.». Наличие этой возможности является необходимым, но не достаточным условием, необходимо формирование определенного уровня политической культуры, которая проявляется в устойчивых представлениях об основных сторонах политической жизни, в установках личности, ценностно-оценочных ориентациях и социальных интересах; стандартах, навыках и умениях политической деятельности, обеспечивающих воспроизводство конституирующих ценностей и норм гражданского обще-

ства, сложившихся институциональных практиках, а также гражданской идентичности (Радиков, 2013; Патрушев, 2011).

Таблица 1

Континуум латентных (гражданских) и манифестных форм политического участия

Гражданское участие (латентное политическое участие)		Манифестное политическое участие		
Включенность (внимание)	Гражданское действие	Формальное политическое участие	Активизм (внепарламентское участие)	
			легальный	нелегальный
<i>Индивидуальные формы</i>				
Интерес к политике и социальным проблемам	Активность, основанная на личном интересе к политике и общественным проблемам	Электоральное участие и контактные (коммуникативные) виды активности	Внепарламентские формы участия, позволяющие донести гражданскую позицию («каждый голос должен быть услышан», «каждый может сделать что-то»). Примеры: подписание петиций, политический консьюмеризм	Политические мотивированные противоправные действия, совершаемые на индивидуальной основе
<i>Коллективные формы</i>				
Чувство принадлежности к группе или коллективу с четкой политической программой. Политика жизненно-го стиля	Волонтерская деятельность, направленная на улучшение условий жизни в сообществе, благотворительность, конкретная помощь людям (не входящим в семью и круг друзей)	Организованное политическое участие: членство в политических партиях, профсоюзах, организациях и т.д.	Полуформализованное или сетевое политическое участие: новые социальные движения, демонстрации, забастовки, протесты	Противоправные и насильственные действия протестного характера: демонстрации, погромы, захват зданий, повреждение

Гражданское участие (латентное политическое участие)		Манифестное политическое участие		
Включенность (внимание)	Гражданское действие	Формальное политическое участие	Активизм (внепарламентское участие)	
			легальный	нелегальный
(идентичность, одежда, музыка, еда, ценности и т.д.).				имущества, стычки с полицией и политическими оппонентами

Источник: (Ekman, & Amnå, 2012). Переведено и адаптировано авторами.

Возвращаясь к попытке Кемпбелла разделить «гражданское» и чисто «политическое», отметим, что хотя она и предоставляет определенное операциональное решение, основанное на мотивации, ее практическое применение наталкивается на серьезные противоречия с действительностью, поскольку гражданские действия, направленные на решение серьезной социальной проблемы, рано или поздно принимают политический оборот, так как требуют принятия решений не только на уровне местных сообществ, но и на уровне законодательной или исполнительной власти.

В этой связи нам импонирует интегральный подход шведских ученых Йоахима Экмана и Эрика Амна (Joakim Ekman и Erik Amnå), которые строят свою типологию на идее совместного представления гражданских и политических, или, в терминологии авторов, латентных и манифестных, индивидуальных и коллективных форм участия граждан в общественной жизни в виде матрицы, которую мы воспроизвели в таблице 1. Ее правая часть, касающаяся конвенциональных и неконвенциональных форм политического участия, является вполне традиционной, тогда как левая, репрезентирующая так называемые латентные (гражданские) проявления, требует дополнительного комментария. Безусловно, отмечают авторы, индивидуальные и коллективные гражданские действия, названные в типологии «латентными», такие как добровольчество или благотворительность, на самом деле вполне реальны и доступны наблюдению. В то же время они «выпадают» из традиционной политической системы и в связи с этим являются латентными по отношению к собственно политическим парламентским и внепарламентским формам. Желание авторов как раз и состояло в том, чтобы не только учесть действия, направленные непосредственно на политические и социетальные элиты, но и рассмотреть широкий круг практик, которые, выступая в качестве «протополитических» или «потенциально политических» активностей, могут иметь большое значение для будущих манифестных политических действий. Такое объединение позволяет осуществить

более нюансированное и гибкое исследование участия населения в совокупности его всевозможных проявлений и может предоставить новые данные о кризисе традиционных демократических моделей и возможных путях его преодоления.

Дискуссия о необходимости политической модернизации в России и повышения вовлеченности граждан в процесс общественного контроля и государственного управления, как правило, носит пессимистический характер и опирается на национальные, всероссийские обобщения. Между тем очевидно, что такие усредненные тенденции представляют собой «среднюю температуру по больнице» и что ситуация в отдельных регионах, хоть и следует общим трендам, имеет свои отличительные особенности, заслуживающие изучения. Мы используем вышеописанный широкий подход к политическому/гражданскому участию для анализа результатов социологических исследований в трех регионах России (Алтайском крае, Новосибирской области и Республике Алтай). Будучи расположенными в Сибирском федеральном округе, эти регионы, с одной стороны, занимают общую промежуточную географическую позицию между западными и восточными регионами России, с другой — довольно сильно отличаются друг от друга, чтобы можно было выявить общее и специфическое в проявлении гражданской активности населения. Проведенное исследование вносит вклад в эмпирическое обоснование взаимосвязи между различными формами проявления гражданственности и их широкой социальной, экономической и культурной детерминацией.

Методы и эмпирические данные

Для реализации задач исследования по разработке моделей гражданского участия в совокупности с определяющими их факторами в трех сибирских регионах — Алтайском крае, Республике Алтай и Новосибирской области были проведены социологические опросы населения. Общая выборочная совокупность составила 1418 человек, в том числе в Алтайском крае — 590, в Республике Алтай — 424, в Новосибирской области — 404. Отбор респондентов проводился на основе квотной выборки, рассчитанной на основе гендерных, возрастных и поселенческих параметров по актуальным статистическим данным в сочетании с маршрутными технологиями для обеспечения случайного характера попадания респондента в выборку и большей репрезентативности. Возраст опрошенных — от 18 до 70 лет. Распределение респондентов по этнической принадлежности также отражало национально-культурные особенности регионов: в Алтайском крае доля русских респондентов составила 84,4%, в Новосибирской области — 94,3%, в Республике Алтай — 63,2%.

Совокупность используемых показателей включала четыре группы, первая из которых описывала ценностные ориентации и представления о гражданстве, образ идеального гражданина и характеристики гражданской идентичности; вторая — отражала субъективные оценки институционального и межличностного доверия, сплоченности и солидарности в социальном окружении; третья — была направлена на описание опыта общественного и политического участия населения в совокупности индивидуализированных и ассоциативных, реальных и виртуальных форм и практик (31 индикатор), четвертая — включала демографические (пол, возраст,

тип поселения), экономические (субъективная оценка материального достатка), социальные — социальный статус, уровень образования, семейное положение), культурные (этническая идентичность, степень религиозности), политические (политические взгляды и убеждения) факторы. На последующих этапах исследования третья группа индикаторов была структурирована для выделения устойчивых паттернов гражданского поведения, остальные группы были использованы для выявления значимых и если не каузальных (причинно-следственных), то по меньшей мере корреляционных взаимосвязей, позволяющих установить ассоциации между внутренними, индивидуально-личностными, ментальными показателями гражданственности и гражданской идентичности (знаниями, ценностями, взглядами и убеждениями, установками, оценками) и их внешними поведенческими проявлениями. Для каждой модели установлен набор общих и уникальных детерминант (предикторов).

Статистическая обработка проводилась с помощью методов первичной описательной и аналитической статистики, включая факторный анализ и регрессионное моделирование. Программа обработки — SPSS 25.0.

Основные результаты и обсуждение

Институциональные условия гражданского участия в трех регионах исследования

Гражданственность является общественной добродетелью и социальным идеалом, в предельно общем виде представляющим собой комплекс знаний, морально-нравственных, мотивационно-волевых и социальных качеств личности, взглядов и убеждений, которые, наряду с умением включаться в социальные взаимодействия и готовностью к сотрудничеству во имя общественных интересов, отличают подлинного гражданина от обывателя, думающего только о собственном благополучии. Выступая мерой социальной зрелости отдельных индивидов и степени демократичности, цивилизованности общества, реальное проявление гражданственности обусловлено множеством факторов объективного и субъективного, ситуативного и перманентно действующего характера.

Учитывая большое влияние внешних, не зависящих от индивида факторов, способных сузить или, напротив, расширить пространство политических возможностей, представим некоторые институциональные характеристики региональных социумов, которые, на наш взгляд, оказывали наиболее существенное воздействие на выбор форм и средств, направлений и характера проявления гражданского участия.

Один из наиболее важных для российских регионов критериев различия — экономический, определяющий уровень жизни и социальной защищенности населения, репертуар наиболее острых проблем и наличие материальных возможностей для их преодоления, в том числе силами гражданского общества. Так, Новосибирская область относится к числу экономически развитых регионов (17-е место по уровню ВРП и 33-е по доле ВРП на душу населения (Росстат, 2017), 24-е место по уровню и качеству жизни (РИА «Рейтинг», 2018), является регионом с самым низким уровнем безработицы в Сибирском федеральном округе (0,7% от численности рабочей силы)

(Правительство Новосибирской области, 2018). Алтайский край и Республика Алтай, напротив, являются проблемными регионами, зависимыми от федеральной финансовой поддержки: Алтайский край входит в пятерку лидеров по количеству получаемых федеральных дотаций, в Республике Алтай доля дотаций составляет более 40% объема собственных доходов. Алтайский край занимает 73-е место по уровню и качеству жизни, 38-е — по уровню ВРП и 73-е по доле ВРП на душу населения, Республика Алтай — 82, 85 и 74-е места соответственно. Уровень безработицы в указанных регионах значительно превышает общероссийский (4,7% по данным за 2018 г.), высока доля неформальной занятости: в Алтайском крае официально зарегистрировано 6,1% безработных, в Республике Алтай уровень безработицы составил по данным 2018 г. 11,2% (Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай, 2018). Уровень социально-экономического неравенства и поляризации общества согласно индексу Джини, который представляет собой соотношение доходов самых богатых и самых бедных слоев населения, наиболее высок в Алтайском крае — 0,376 (41-е место) и имеет более низкие значения в Новосибирской области — 0,365 (56-е место) и Республике Алтай — 0,367 (52-е место). Сходство позиций Новосибирской области и Республики Алтай весьма относительно: если в первом случае низкая поляризация наблюдается при высоких доходах, то во втором случае имеет место значительное обнищание населения, практически одинаково распространенное во всем республиканском обществе.

Помимо социально-экономических характеристик, немаловажное значение имеют показатели состояния политической сферы: политической конкуренции, силы политических элит, независимости и эффективности деятельности парламента, органов местного самоуправления — и другие параметры, влияющие на характер регионального управления, его адаптивности и способности противостоять кризисным явлениям. Хотя оценки региональных политических систем довольно разнородны и привязаны к электоральным циклам, некоторые рейтинги и индексы, рассчитываемые по единообразной для всех регионов методике, могут быть использованы для сопоставления и описания актуальной региональной политической ситуации в регионе.

Прежде всего отметим, что на волне общероссийской тенденции обновления губернаторского корпуса во всех трех регионах за последние два года произошла смена регионального руководства. В Алтайском крае и Новосибирской области на выборах в сентябре 2018 г. победа досталась назначенным президентом в качестве врио губернатора А.А. Травникову и В.П. Томенко. В Республике Алтай перемена власти произошла совсем недавно, 20 марта 2019 г., когда вместо ушедшего в отставку в связи с окончанием полномочий А.В. Бердникова (занимал этот пост 13 лет) в качестве врио Главы Республики был назначен О.Л. Хорохордин. Этот факт, безусловно, следует учитывать, поскольку оценки, рассчитываемые ретроспективно по данным предыдущих лет, не могут применяться для оценки эффективности действующего лидера, они скорее характеризуют долгосрочные тренды и риски, принятые «по наследству» в качестве наиболее актуальных вызовов, требующих со стороны новых лидеров политических решений.

По данным рейтинга социально-экономической и политической напряженности за 2017 г. (авторы исследования — сотрудники НИУ ВШЭ и эксперты Комитета гражданских инициатив Н.В. Петров, А.В. Кынев, А.В. Титков и др.) Новосибирская область и Республика Алтай были отнесены к категории регионов с наиболее высокими интегральными оценками политической системы, основанными на частных оценках институциональной независимости депутатов законодательного собрания, защиты прав оппозиции, независимости системы местного самоуправления в региональном центре, политической конкуренции на выборах, уровня конфликтности и неоднородности элиты и административной устойчивости. Высокий уровень демократичности и качества политических институтов Новосибирской области довольно стабилен, что демонстрировалось на протяжении 2000-х гг. исследованиями Московского центра Карнеги (Кынев, 2017), в то время как для Республики Алтай характерна противоречивость политических процессов, сочетание традиционализма и модерна, большое давление на политические элиты со стороны родовых кланов, национальных и религиозных структур, а также определяющих расклад политических сил финансовых групп. Сложная социально-экономическая ситуация в регионе, сочетающаяся с его аграрным характером и слабой урбанизированностью, приводит к «уходу» значительной части населения из поля политики, его сосредоточенности на решении проблем жизнеобеспечения (Асеев, Шашкова, 2017; Шарапов, 2017).

Алтайский край по данным рейтинга КГИ являлся одним из наиболее неблагополучных регионов, в котором экономические проблемы сочетались с плохим политическим дизайном и повышенной протестной активностью населения (Рейтинг КГИ, 2017). Высокий протестный потенциал региона фиксировался и другими исследованиями (к примеру, мониторингами протестной активности, проводимыми Центром экономических и политических реформ, Институтом региональной экспертизы и др.), зачастую помещавшими Алтайский край в «красную зону» протеста, направленного против пенсионной реформы, реформ в сфере ЖКХ, репрессий в Интернете и «социального террора». Протестная активность в Новосибирской области по данным вышеупомянутых исследований варьировала от низкой до высокой, тогда как рейтинг Республики Алтай оставался практически всегда на низком уровне — 64–70-е места (учитывалось число протестных акций и их участников, число поддержавших их партий и общественных организаций, использование протестующими соцсетей и мессенджеров, освещение этих акций в СМИ и близость выборов в регионе). Таким образом, политическая жизнь в каждом регионе, с одной стороны, отражала общероссийские тенденции, такие, например, как усиление давления федеральных властей и ослабление субъектности региональных политических элит, повышение требовательности населения к качеству регионального управления и неудовлетворенности способностью властей решать наболевшие проблемы, приводящие к эскалации протестной активности, с другой — имела свои довольно четко очерченные особенности, связанные с региональной политической повесткой дня, способностью политических элит учитывать умонастроения и ожидания населения и разрешать возникающие конфликты.

Несмотря на то что уличные протесты являются довольно четким индикатором социальной и политической напряженности, а характер реакции власти на них, предоставление или блокирование возможностей публичного выхода массового недовольства характеризуют открытость и демократичность региональной политической системы, преобладающая часть гражданской активности направлена на мирное решение социальных проблем с помощью имеющихся механизмов взаимодействия между гражданским обществом и государством. Несомненно, важную роль при этом играет состояние и степень развитости некоммерческого сектора, в особенности деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), которым начиная с 2010 г. оказывается особо усиленное внимание как со стороны федеральных властей, так и со стороны органов государственной власти субъектов Российской Федерации, получивших полномочия по разработке и реализации механизмов поддержки СО НКО.

Одним из формальных критериев подобной оценки является количество зарегистрированных на территории региона социально ориентированных организаций, поскольку именно юридический статус открывает доступ к предоставляемым государством и общественными фондами преференций.

Как следует из официальных данных (таблица 2), количество СО НКО в трех регионах резко увеличилось в 2013 г., после изменений в законодательстве, касающихся определения направлений деятельности и форм поддержки СО НКО: темпы роста зарегистрированных организаций по отношению к предыдущему году превысили 100% (они составили 148,1% в Республике Алтай, 164,6% в Алтайском крае и практически 200% в Новосибирской области). В Республике Алтай рост продолжился и в 2014 г. (прирост организаций составил 83,7%), но затем, как и в двух других регионах, замедлился, переживая периодические падения (так, в 2016 г. количество СО НКО в Республике Алтай и Алтайском крае сократилось на 10% и 5% соответственно). В Новосибирской области после стремительного роста в 2013 г. количество СО НКО начало постепенно сокращаться, в пределах 3–5% сокращения происходили в 2014, 2017 и 2018 гг., так что итоговое количество СО НКО в 2018 г. (4090 организаций) оказалось меньше, чем в 2013 г. (4252 организации). Если учитывать все многообразие организационно-правовых форм НКО, отслеживаемых Министерством юстиции, то по состоянию на 4 апреля 2019 г. в Алтайском крае функционировало 2437 НКО различной направленности, в том числе 898 общественных организаций, 397 религиозных организаций, две общины КМНС, 152 некоммерческих фонда, 34 политических партии. В Республике Алтай зарегистрировано 604 НКО, в том числе общественных организаций — 273, общин КМНС — 36, религиозных объединений — 57, некоммерческих фондов — 44, политических партий — 28. В Новосибирской области общее количество зарегистрированных НКО составило 4414 организаций, из них общественные организации — 1419, религиозные организации — 253, некоммерческие фонды — 516, политические партии — 50 (Минюст, 2019).

Сравнение абсолютных значений количества организаций практически ничего не дает в понимании развитости третьего сектора, доступности для населения

услуг, предоставляемых социальными организациями, и возможностей проявления социальной активности, поскольку регионы существенно различаются по протяженности территории, количеству и плотности населения. Расчеты удельных показателей — количества СО НКО на 1000 человек показали, что обеспеченность СО НКО в Республике Алтай (1,78 организации на 1000 чел.) даже выше, чем в Новосибирской области (1,46 организаций на 1000 чел.), а в Алтайском крае этот показатель не достигает одной организации на указанное количество жителей (0,94 организации). С учетом различных организационно-правовых форм этот показатель составил в Республике Алтай 2,76 НКО, в Алтайском крае — 1,04, в Новосибирской области — 1,58.

Таблица 2

Количество зарегистрированных СО НКО в Республике Алтай, Алтайском крае и Новосибирской области и темпы их прироста по отношению к предыдущему году.

Регион	2013		2014		2015		2016		2017		2018		2018 Количество СО НКО на 1 тыс. населения
	Кол-во	Темп роста, %	Кол-во	Темп роста, %	Кол-во	Темп роста, %	Кол-во	Темп роста, %	Кол-во	Темп роста, %	Кол-во	Темп роста, %	
Республика Алтай	196	148,1	360	83,7	389	8,1	350	-10,0	399	14,0	389	-2,5	1,78
Алтайский край	2106	164,6	2235	6,1	2280	2,0	2166	-5,0	2186	0,9	2194	0,4	0,94
Новосибирская область	4252	195,9	4114	-3,2	4229	2,8	4311	1,9	4256	-1,3	4090	-3,9	1,46

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), расчеты сделаны авторами.

Анализ документации на официальных сайтах региональных органов исполнительной власти показал, что во всех регионах имеется успешный опыт обществен-

но-государственного партнерства и государственной поддержки некоммерческих организаций, реализующих важные общественные задачи. Пожалуй, наиболее развитой в этом отношении является Новосибирская область, где начиная с 2007 г. разрабатываются правовые акты в отношении поддержки СО НКО, тогда же была поддержана идея развития ресурсных центров, активно развивается направление по региональной поддержке муниципальных программ (Состояние сектора НКО в регионах Сибири, 2015). Приняты государственные программы «Развитие институтов региональной политики», «Государственная поддержка общественных инициатив, социально ориентированных некоммерческих организаций и развития институтов гражданского общества в Новосибирской области», «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации в Новосибирской области на 2015–2020 годы», «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов, проживающих на территории Новосибирской области, на 2015–2020 годы». Министерством региональной политики ежегодно на конкурсной основе предоставляются субсидии на осуществление программной деятельности организаций. На территории области осуществляют деятельность 29 ресурсных центров поддержки СО НКО (16 районных и 13 — в Новосибирске), оказывающих содействие в поддержке социальных инициатив и вовлечении граждан в процессы общественного участия в социально-экономическом развитии региона. По данным Правительства Новосибирской области, корпус добровольческих объединений, сформированных на базе образовательных организаций и муниципальных образований, включает более 300 добровольческих общественных объединений различной направленности и почти 15 тыс. участников. По данным рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки СО НКО и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов их оказания в 2017 г. Минэкономразвития отнесло Новосибирскую область к категории регионов — «кандидатов на лидерство», область занимает 18-е место и опережает такие субъекты, как Санкт-Петербург, Ленинградскую, Воронежскую, Тюменскую области.

В Алтайском крае поддержка гражданских инициатив и социально ориентированных некоммерческих организаций официально закреплена в Законе Алтайского края «Об основах взаимодействия органов государственной власти Алтайского края, органов местного самоуправления Алтайского края и общественных объединений, реализующих на территории Алтайского края социально значимые проекты», указана в качестве базовых индикаторов оценки эффективности государственных программ «Социальная поддержка граждан», «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края», «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае», «Патриотическое воспитание граждан в Алтайском крае». Финансовая поддержка социально ориентированным организациям оказывается в форме субсидий из краевого бюджета на осуществление уставной деятельности и на конкурсной основе в рамках грантовой программы Губернатора Алтайского края. По данным информационной системы «Добровольцы России» в крае функционируют 173 добровольческих организации, объединяющие более 5 тыс. граждан, активно действуют

ресурсные центры, оказывающие информационную, правовую, консультационную, образовательную и иные формы поддержки СО НКО (один из таких центров создан на базе некоммерческого партнерства «Сибирский центр социальных технологий», другой — на базе АКОО «Развитие гражданских институтов»).

В Республике Алтай в период 2011–2016 гг. действовала республиканская целевая программа «Развитие социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Алтай на 2011–2016 годы», мероприятия по поддержке СО НКО осуществлялись в рамках подпрограммы «Сохранение и развитие этнокультурного наследия народов Республики Алтай» государственной программы Республики Алтай «Развитие культуры» и подпрограммы «Развитие социально ориентированных некоммерческих организаций» государственной программы Республики Алтай «Обеспечение социальной защищенности и занятости населения». Задачи по вовлечению граждан в процесс государственного управления в настоящий момент включены в государственную программу «Формирование современной городской среды» (создание универсальных механизмов вовлеченности заинтересованных граждан, организаций в реализацию мероприятий по благоустройству территории муниципальных образований), «Реализация государственной национальной политики», в регионе функционирует более 50 добровольческих организаций. Несмотря на созданную инфраструктуру по результатам исследования мер государственной поддержки СО НКО Республика Алтай и Алтайский край были отнесены к числу регионов, только «делающих первые шаги к успеху» (65-е и 66-е места).

Таким образом, во всех регионах некоммерческий сектор представлен многочисленными организациями различных форм и направлений деятельности. Тенденции роста количества организаций показывают влияние общероссийских изменений в социальной политике государства в отношении некоммерческих организаций. Созданная инфраструктура государственной поддержки и увеличение доли участвующего в деятельности СО НКО населения свидетельствуют об обеспечении по меньшей мере минимального уровня помощи СО НКО, гарантированного законодательством. В то же время сравнение регионов по отдельным показателям демонстрирует довольно ограниченный характер такой поддержки даже в благополучных регионах (Новосибирская область), которые «недоотягивают» до максимального результата. На примере Республики Алтай четко виден отстающий характер экономически слабых регионов по скорости включения в апробацию новых механизмов общественно-государственного взаимодействия, развития третьего сектора и, шире, гражданского общества в регионе. Резкие колебания количества организаций от года к году свидетельствуют о том, что процесс его становления фактически только начат, он нестабилен, хотя удельный вес организаций является вполне достаточным, по крайней мере сопоставимым с другими регионами, для вовлечения граждан в общественную жизнь.

Практики гражданского и политического участия: распространенность и основные паттерны

Прежде всего, нужно отметить, что население довольно высоко оценивало уровень своей общественной активности: 42,6% участников опроса указали, что

считают себя общественно активными людьми, в том числе в Алтайском крае — 54,2%, в Республике Алтай — 38,5%, в Новосибирской области — 31,2% (здесь и далее — если указаны различия, то они являются статистически достоверными на 5%-м уровне значимости. Критерии проверки: χ^2 , z-критерий с коррекцией Бонферрони для множественных сравнений). Самооценка активности была напрямую взаимосвязана с уровнем образования (в Алтайском крае и Республике Алтай) и материальным благополучием (в Алтайском крае и Новосибирской области). Кроме того, в Алтайском крае уровень активности был достоверно выше в городе (52,2%), чем в селе (36,6%), и среди респондентов среднего возраста (25–54 лет) — 52,8%, тогда как в Новосибирской области большую активность чаще проявляли представители младшего (до 24 лет) и старшего поколений (35,9% и 38,6% соответственно).

Анализ личного опыта респондентов за последний год показал, что доля участвующих в конкретных делах в целом совпадает с самооценкой: 36,8% респондентов в совокупной выборке (в том числе 50,7% — в Алтайском крае, 33,2% — в Республике Алтай, 20,6% — в Новосибирской области) сами являлись инициаторами или реализовывали чужую идею для решения своей проблемы, 32,5% — принимали участие в решении проблем других людей (наиболее существенные различия между Алтайским краем — 40,6% и двумя другими регионами — 28,1% и 25,3%).

Насколько индивидуальные гражданские инициативы подкреплены поддержкой со стороны регионального гражданского общества? Социологические опросы показали, что более 70% опрошенных не имеют опыта взаимодействия с НКО (в том числе в Новосибирской области 86,9%, в Республике Алтай — 69,3%, в Алтайском крае — 61,7%), 9,3% — затруднились с ответом. Оставшаяся пятая часть респондентов во всех регионах были вовлечена в деятельность НКО по-разному: 5,2% — участвовали в работе общественных организаций в качестве добровольца, 4,5% — являлись активными участниками мероприятий и проектов, почти столько же, 4,4%, указали, что являлись членами организации, 2,8% респондентов указали, что помогают НКО материально, 2,6% — являлись сотрудниками. Значительная часть взаимодействующих с некоммерческими организациями граждан (74% по всем регионам, в том числе 75,6% в Алтайском крае, 66,2% в Республике Алтай и 82,1% — в Новосибирской области) имели также опыт реализации инициатив для решения собственных или чужих проблем, в то время как 38,3% — реализовывали инициативы без какого-либо обращения к общественным организациям. Доля независимых от деятельности НКО самодельных граждан составила в Алтайском крае 52,0%, в Республике Алтай — 38,6%, в Новосибирской области — только 24,2%, что свидетельствует о довольно слабом использовании потенциала гражданской активности некоммерческим сектором.

Основными направлениями взаимодействия с НКО (вопрос задавался только имеющим опыт респондентам) являлись: здоровье и пропаганда здорового образа жизни (33,3%), благотворительность (29,6%), помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (24,6%), воспитание и образование (работа в общественных школах, приютах, больницах) (24,3%), организация молодежного досуга, отдыха (25,5%). Таким образом, даже среди немногочисленного контингента активистов

и сочувствующих НКО, участвующих в их деятельности в качестве зрителей или потребителей услуг, социально значимая деятельность осуществлялась по наиболее массовым направлениям, имеющим в основном культурно-развлекательный, информационный характер, и сбор финансовых средств. Более трудоемкие направления, требующие больших интеллектуальных усилий, специальных знаний, физической силы, эмоциональной вовлеченности, оказались уделом узкой группы наиболее мотивированных лиц.

Рассмотрим далее совокупный репертуар гражданских и политических действий, осуществляемых населением трех сибирских регионов, ранжированных по их наибольшей распространенности.

Наиболее распространенной формой проявления гражданственности по-прежнему являлось голосование на выборах, отмеченное примерно 70% опрошенных во всех регионах. При этом электоральная активность оказалась существенно выше среди сельских жителей (71,4%, в городе — 59,5%), респондентов, позиционирующих себя как «средний класс» по уровню достатка (67,0%, среди «богатых» — 56,6%, среди «бедных» — 62,0%), считающих себя активными (69,1%, в группе неактивных — 60,0%) и взаимодействующие с НКО (72,2%, в группе без опыта взаимодействия — 63,4%).

На втором месте — информационно-аналитическая деятельность: отслеживание политических событий (66,3%), просмотр аналитических передач, чтение аналитических материалов (50,6%, значимые региональные различия между Республикой Алтай — 44,0% и Новосибирской областью — 56,0%).

Далее по степени распространенности следовали индивидуальные активности, акцент в которых был смещен на конкретную помощь и решение проблем: 48,4% респондентов участвовали в субботниках, месячниках по очистке территорий, экологических акциях и других мероприятиях, способствующих формированию благоприятной среды проживания (в большей степени такие практики были распространены в Республике Алтай — 53,2%, в меньшей степени — в Алтайском крае — 44,3%); 44,7% — оказывали помощь людям в сложной жизненной ситуации: инвалидам, пожилым людям, детям-сиротам и т.д. (меньше всего в Алтайском крае — 40,4%, больше всего — в Новосибирской области — 49,1%); 37,9% — участвовали в благотворительных акциях (сбор средств, продуктов, одежды нуждающимся).

Другие формы участия практиковались менее чем третью опрошенных. Так, около 26% участников опроса помогали бездомным животным, подписывали петиции, открытые письма и обращения по социально-значимым проблемам (больше всего — в Республике Алтай — 29,4%), участвовали в организации культурно-массовых мероприятий (меньше всего в Новосибирской области — 18,2%), около пятой части — участвовали в пропаганде здорового образа жизни (меньше — в Новосибирской области — 14,5%). От 15% до 20% опрошенных имели опыт волонтерской деятельности, участвовали в программах донорства крови, ходили на прием к местному (районном, краевому, окружному) руководству, участвовали в работе территориального органа самоуправления, бойкотировали продукты и отказывались от потребления в знак протеста, а также использовали виртуальные средства

для проявления своей гражданской позиции: обсуждали проблемы и комментировали новости на форумах, конференциях, сайтах и чатах в Интернете, использовали онлайн-сервисы, мессенджеры или приложения для смартфонов для доведения до властей общественных проблем.

Следующая по распространенности группа практик (10–12% ответов опрошенных) включала в себя работу в избирательной комиссии и подготовку к выборам, распространение информационных материалов по какой-либо общественной проблеме (в том числе в сети Интернет), послание писем и обращений к руководству (страны, региона, поселения), участие в создании инициативной группы для решения индивидуальной или общественной проблемы (в качестве постоянной активности), членство в общественной организации, ношение или использование символики политической, социальной, гражданской, экологической или какой-либо иной акции, или организации, участие в научных исследованиях по изучению общественных проблем (по большинству указанных переменных наименьшая распространенность наблюдалась в Новосибирской области).

Наименее распространенными являлись практики манифестного политического участия: 9,6% опрошенных сообщили, что принимали участие в политических митингах, демонстрациях, акциях протеста, 9,0% — являлись членами политической партии, от 7% до 8% — участвовали в политических дебатах, посещали выступления политических деятелей, проводили публичные лекции, рабочие встречи или мастер-классы по вопросам правового просвещения, гражданского участия, 6,6% — выдвигались на выборах в органы местного самоуправления, городскую, областную думу в качестве кандидата (цифра явно завышенная, но поскольку респондентов просили описать себя с помощью утверждений, в которых содержались данные практики, она показывает, по меньшей мере, готовность выступить в данной роли).

Даже такой предварительный обзор вскрыл проблему структурирования практик, их объединения по другому, нежели только по распространенности, основанию. Очевидно, что практики не исключали друг друга, имело место их естественное сочетание: только 9,3% опрошенных не имели абсолютно никакого опыта гражданской активности, 7,8% — выбрали только один вид активности, в то время как 36% респондентов имели от двух до пяти активностей, 29,2% — от шести до 10, 17,6% — 11 и более. Однако какие из практик наиболее близки друг другу и какие их сочетания имеют большую распространенность?

На эти вопросы позволили ответить результаты факторного анализа, представленного в таблице 3. Было выделено семь ключевых факторов, иллюстрирующих типичные паттерны участия населения в общественной жизни, дифференцируемые как по степени вовлеченности в общественно-политические процессы, так и по предпочитаемым практикам. Подчеркнем, что выделенные факторы — это идеальные конструкции, созданные на их основе модели имеют неизбежно упрощенный характер, поскольку в них в аналитических целях преувеличена уникальность и максимизированы различия, тогда как на практике имеет место их пересечение и взаимодополняемость.

В первый фактор с максимальной нагрузкой вошли переменные, описывающие формальные механизмы гражданского и политического участия, его внешние атрибуты: членство в политических и общественных организациях, выдвижение своей кандидатуры на выборах, участие в работе территориальных органов самоуправления, создание инициативных групп, организация публичных информационных или культурно-массовых мероприятий, волонтерская деятельность, связанная с крупномасштабными мероприятиями (будь то спасение от наводнения или спортивный чемпионат), ношение символики. Этот фактор отличало внимание к имиджу и официальному статусу, необходимость проявления лидерских качеств, коммуникативных и организаторских способностей, желание быть у всех на виду. В общей выборочной совокупности по трем регионам у 27,6% респондентов этот фактор оказался выражен «выше среднего».

Второй фактор включал практики оказания помощи людям в сложной жизненной ситуации и бездомным животным, участия в благотворительных акциях и экологических мероприятиях, а также в акциях по пропаганде здорового образа жизни, спорта, активного отдыха и организации культурно-массовых мероприятий, хотя эти два направления деятельности для данного фактора имели меньшее значение, чем для первого, являлись скорее дополнительными, «попутными» формами проявления социальной активности. В отличие от первого фактора, он представлял пример гражданской активности гуманитарного типа, в которой большую роль играли эмпатия и сострадание, толерантность и взаимопомощь, ощущение общности судьбы, желание изменить мир к лучшему, бережное отношение к людям, природе и т.д. Выраженность данного фактора среди жителей сибирских регионов была довольно высока: 41,0% опрошенных имели значения фактора выше средних значений по общей выборке.

Третий фактор представлял собой квинтэссенцию понятий «цифрового гражданства» как нормы ответственного и эффективного использования интернет-технологий, электронных сервисов и услуг электронного правительства, технологий цифровой демократии для формирования и распространения идей, оказания влияния на общественное мнение, органы власти, политической мобилизации. Респонденты с выраженным третьим фактором (23,0% в общей выборке) чаще других подписывали онлайн-петиции и открытые письма, комментировали новости на сайтах электронных СМИ, использовали онлайн-сервисы, мессенджеры или приложения для смартфонов для доведения до властей общественных проблем, распространяли информационные материалы по общественным проблемам на персональной странице в Интернете, в блоге, на странице в социальных сетях, обсуждали конкретные общественные проблемы в форумах, чатах, конференциях. В качестве офлайн-атрибута, который использовали респонденты, предпочитающие цифровые формы политического участия, часто выступала символика, наносимая на предметы одежды, быта и интерьера. Такое внешнее сопровождение не являлось обязательным, однако присутствовало в опыте 23% опрошенных. При этом частота внешнего символического оформления своей виртуальной активности с возрастом приобретала большую значимость (если в группе респондентов до 24 лет доля носящих общественно-политическую символику составляла 18%, то в группе 55 лет и старше — 32%).

Таблица 3

Результаты факторного анализа практик гражданского и политического участия (показаны нагрузки $> 0,4$, метод главных компонент с вращением Varimax).

Индикаторы / факторы	1	2	3	4	5	6	7
Слежу за политическими событиями в регионе, стране, мире					0,8		
Смотрю аналитические передачи на политические темы, читаю посты, аналитические материалы					0,8		
Участвую в политических дебатах, посещаю встречи, выступления политических деятелей						0,4	
Принимаю участие в политических митингах, демонстрациях, акциях протеста						0,6	
Хожу на выборы					0,5		
Пишу письма руководству (страны, региона, поселения)				0,8			
Прихожу на прием к местному, районному, краевому/окружному руководству				0,70			
Пишу письма в средства массовой информации				0,6			
Подписываю петиции (в том числе онлайн), открытые письма, обращения по социально значимым проблемам			0,5				
Комментирую новости на сайтах средств массовой информации			0,7				
Использую онлайн-сервисы, мессенджеры или приложения для смартфонов для доведения до властей общественных проблем (например, «Убитые дороги», «Российская общественная инициатива» и т. п.)			0,7				
Размещаю или распространяю информационные материалы, касающиеся какой-либо индивидуальной или общественной проблемы на персональной странице в Интернете, в блоге, на странице в социальных сетях			0,6				
Обсуждаю конкретные общественные проблемы в форумах, чатах, конференциях			0,7				
Ношу или использую символику какой-либо политической, социальной, гражданской, экологической или какой-либо иной акции или организации и т.п.	0,4		0,4				
Сдаю кровь в рамках участия в программе донорства							0,7

Индикаторы / факторы	1	2	3	4	5	6	7
Помогаю бездомным животным (покупаю корм, помогаю в работе приюта бродячих животных и т. д.)		0,4					0,5
Бойкотирую, отказываюсь от покупки или потребления каких-либо товаров, или услуг в знак протеста или выражения своих взглядов и убеждений						0,6	
Оказываю помощь людям, находящимся в сложной жизненной ситуации (инвалидам, пожилым людям, детям-сиротам и т.д.)		0,8					
Провожу научные исследования (для изучения какой-либо общественной проблемы)							0,5
Являюсь членом политической партии, отделения политической партии	0,6						
Являюсь членом общественной организации, объединения	0,7						
Участвую в работе территориального органа самоуправления населения, ТОС, ТСЖ, собрания жителей дома/микрорайона, садового товарищества	0,5						
Участвую в субботниках, месячниках по очистке территорий, экологических акциях и т.п.		0,6					
Участвую в благотворительных акциях (сбор средств, продуктов, одежды нуждающимся и т.п.)		0,7					
Имею опыт волонтерской деятельности (организация и сопровождение мероприятий, поиск пропавших, ликвидация последствий ЧС и др.)	0,4						
Принимаю участие в работе избирательной комиссии, подготовки к выборам	0,5						
Выдвигался на выборах в органы местного самоуправления, городскую/областную думу в качестве кандидата и т.п.	0,5						
Участвую в создании инициативной группы для решения индивидуальной или общественной проблемы	0,6						
Участвую в акции по пропаганде здорового образа жизни, спорта, активного отдыха	0,5	0,4					
Участвую в организации культурно-массовых мероприятий	0,6	0,4					
Провожу или организую публичные лекции, рабочие встречи, мастер-классы по вопросам правового просвещения, гражданского участия	0,6						

Носители выраженного четвертого фактора (23,2%), в отличие от «цифровиков», предпочитали традиционные средства коммуникации и механизмы взаимодействия с органами власти, которые они использовали для решения своих и общественных проблем. Они чаще, чем другие активные граждане, писали

письма руководству (страны, региона, поселения) или ходили на личный прием, писали письма в средства массовой информации. Это такие современные «челобитники» — жалобщики, просители и ходатаи, которые не стесняются власти и готовы предъявлять ей свои требования, сообщать о нарушениях и добиваться справедливости. Часто выступая «голосом народа», они являют собой пример российского варианта *grassroots*-движения, пытающегося решить местные проблемы путем привлечения власти к ответу, использования административных ресурсов.

Пятый фактор может быть условно назван фактором молчаливого зрителя (по аналогии с известной типологией Милбрайта и Гоэля), или фактором ограниченного участия, поскольку его содержание указывало на минимальную вовлеченность в политический процесс — только в качестве участника выборов, а другие практики имели информационно-аналитическую направленность, такие, например, как отслеживание политических событий, просмотр аналитических передач или чтение соответствующей литературы. Это был фактор, выраженность которого среди опрошенного населения была максимальной — 47,6%.

Шестой фактор (доля респондентов с выраженностью выше среднего — 29,8%) обобщал проявления протестного поведения: участвую в политических дебатах, посещаю встречи, выступления политических деятелей, принимаю участие в политических митингах, демонстрациях, акциях протеста, бойкотирую, отказываюсь от покупки или потребления каких-либо товаров, или услуг в знак протеста или выражения своих взглядов и убеждений.

Суть седьмого фактора определялась участием в программах донорства крови, проведении научных исследований, направленных на изучение общественных проблем, оказание помощи бездомным животным, и предполагала символическое самопожертвование и готовность к трудностям, наличие эмпатии и желания докопаться до истины. В совокупной выборке 30,4% опрошенных имели по нему достаточно высокие значения.

Базовые модели гражданского участия населения сибирских регионов

На последующих этапах анализа были построены регрессионные модели (использовался метод логистической регрессии), для выявления значимых детерминант того или иного паттерна гражданского участия.

Зависимыми переменными являлись перекодированные в дихотомии факторные значения (по одной переменной для каждого фактора). В качестве независимых переменных выступали: ценностные ориентации (22 показателя), выраженность чувства ответственности за то, что происходит в доме или во дворе (1), городе, регионе (2) и в стране (3), уровень доверия к общественным институтам и орга-

низациям¹, государственным, коммерческим и финансовым институтам² (по пятибалльной шкале), locus контроля (по 10-балльной шкале)³, оценки социального самочувствия и солидарности⁴, обобщенного доверия, готовности людей помогать друг другу. Отдельный блок составляли переменные, касающиеся представлений населения о гражданстве⁵, поведении идеального гражданина (16 биполярных шкал, оцениваемых по шестибалльной шкале), а также политические взгляды (коммунистические, социалистические и социал-демократические, аграрные, русские национально-патриотические, либеральные, отсутствие четких политических взглядов, аполитичность). Блок относительно объективных и независимых от субъективных представлений параметров включал регион, проживания, пол, возраст, образование, самооценку материального положения, социальный статус.

Модель формализованного участия

В модели формализованного участия, ориентированного на официальное членство в общественных и политических организациях и участие в масштабных мероприятиях (см. описание первого фактора), значимыми предикторами являлись: регион, ценности, locus контроля, уровень материального благосостояния, уровень ответственности, доверие к общественным организациям, представления о гражданстве (таблица 4).

Региональные различия заключались в существенно большей распространенности данного паттерна участия в Алтайском крае, жители которого имели в два раза больше шансов стать его носителями, и в Республике Алтай, для которой шан-

¹ Список включал: средства массовой информации, политические партии, правозащитные организации, общественные организации (организации ветеранов, инвалидов, природоохранные, социальной помощи), общества защиты прав потребителей, благотворительные организации, Русскую Православную церковь, другие религиозные объединения и конфессии, национально-культурные объединения, этнические диаспоры, территориальное общественное самоуправление (ТОС), товарищества собственников жилья (ТСЖ).

² Президенту РФ, Федеральным органам власти (Правительство, МВД России, МИД России, Минюст России, Минздрав России и др.), органам власти регионов (правительство, администрация региона), органам местного самоуправления (мэрия, районная администрация), государственным корпорациям (Роснано, РЖД и др.), судебной системе (судам, прокуратуре), коммерческим организациям, бизнесу, финансовой и банковской системе, вооруженным силам, полиции, Росгвардии, ФСБ.

³ Респондентов просили дать оценку по десятибалльной шкале, крайние варианты которой задавались утверждением: «Некоторые считают, что у них есть полная свобода выбора и они сами контролируют свою жизнь, а другие – напротив, думают, что не могут в реальности влиять на то, что с ними происходит».

⁴ Формулировки вопросов: «Возможно ли, на Ваш взгляд, взаимопонимание и сотрудничество между людьми богатыми и людьми бедными?», «А что Вы думаете о возможности взаимопонимания и сотрудничества между „простыми людьми“ и теми, у кого „много власти“?», «Скажите, пожалуйста, возможно взаимопонимание и сотрудничество между молодежью и людьми старшего поколения?». Для ответа использовались пятибалльные шкалы.

⁵ Вопрос звучал следующим образом: «Что лично для Вас значит быть гражданином?». Варианты ответа: быть патриотом, любить Россию; соблюдать законы, уважать конституцию; постоянно проживать на территории страны (государства); иметь все права, предоставляемые законами этой страны, пользоваться ими; уважать людей у власти; чувствовать уверенность и стабильность в экономическом и моральном плане; не испытывать желания уехать в другую страну; чувствовать себя причастным к большим и малым делам государства; понимать свой гражданский долг, иметь гражданскую ответственность, гражданскую совесть; другое.

сы были выше в 1,6 раза по сравнению с Новосибирской областью, взятой в качестве референтной группы (судя по показателю отношения шансов (ОШ) — Exp(B)).

Таблица 4

Показатели регрессионной модели для фактора формализованного участия

Предиктор	B	SE	p-value	Exp (B)
Регион (Новосибирская область)			0,011	
Регион (Алтайский край)	0,728	0,243	0,003	2,071
Регион (Республика Алтай)	0,512	0,261	0,049	1,669
Ценности — Интересная работа	-0,568	0,230	0,014	0,567
Ценности — Ощущение своей необходимости людям, обществу, государству	1,064	0,395	0,007	2,899
Локус контроля	0,472	0,161	0,003	1,603
Материальное положение	0,443	0,169	0,009	1,557
Ответственность за то, что происходит в городе/селе, регионе	0,390	0,158	0,014	1,476
Доверие к общественным организациям	0,280	0,122	0,021	1,323
<i>Представления о гражданстве — Мои интересы должны быть защищены от вмешательства государства / Иногда, для общего блага, государство может вмешиваться в частные дела своих граждан</i>	<i>0,123</i>	<i>0,063</i>	<i>0,051</i>	<i>1,130</i>

Выраженная потребность в своей необходимости людям, обществу и государству практически в три раза увеличивала вероятность формализованного участия, тогда как значимость для респондента интересной работы являлась сдерживающим фактором (ОШ = 0,567).

Фактор формализованного участия также ассоциировался с ответственностью за происходящее в городе и регионе (ОШ = 1,48) и доверием к общественным организациям. Данный тип был присущ лицам с устойчивым материальным положением (ОШ = 1,56) и имеющим выраженный внутренний локус контроля, т.е. испытывающим уверенность в своей способности контролировать жизнь и делать самостоятельный выбор (ОШ = 1,60). Особенностью данной модели являлось также влияние на выбор представления о гражданстве, согласно которому государство в общих интересах имеет право вмешаться в частные дела своих граждан (на уровне статистической тенденции). Таким образом, в целом данная модель репрезентировала группу населения сибирских регионов, которую вполне можно считать если не элитой, то своеобразным авангардом гражданского движения. Высокий социальный статус и материальная обеспеченность, психологическая устойчивость и уверенность в своих силах, наряду с опорой на институциональную инфраструктуру гражданского общества и приоритет общественных инте-

ресов, являлись ее отличительными чертами и создавали базис для эффективных гражданских действий.

Модель гуманитарной гражданской активности

Данный тип участия имел выраженную гендерную составляющую и был в большей степени распространен среди женского населения: ОШ у мужчин = 0,64, В = -0,45 (таблица 5). Значительную роль в его детерминации играли альтруистические ценности и ценности самовыражения — ощущения своей необходимости людям, стране и обществу в целом (ОШ = 3,15), счастья и благополучия других (ОШ = 4,8 (!)), тогда как стремление к социальной справедливости, напротив, имело сдерживающее действие (ОШ = 0,48). Лица с выраженным типом гуманитарной активности чаще испытывали ответственность за происходящее, для них было важно соблюдать законы, чувствовать уверенность и стабильность в завтрашнем дне. Необходимой частью представлений о гражданстве являлось также неприятие патернализма: респонденты данной группы чаще считали, что не стоит надеяться на государство, что большинство проблем можно решить своими силами. Испытывая доверие к общественным организациям и вооруженным силам (армии), они в то же время не доверяли полиции, политическим партиям и органам территориального общественного самоуправления, слабо верили в возможность сотрудничества между поколениями. С учетом входящих в данный фактор практик эта модель иллюстрировала примеры «низовых» гражданских инициатив, направленных на решение проблем местного уровня, помощи отдельным группам лиц. Описываемый моделью тип участия был значимо более развит в Республике Алтай (48,8%) и Новосибирской области (48,3%), чем в Алтайском крае (36,3%).

Таблица 5

Показатели регрессионной модели
для фактора гуманитарной гражданской активности

Предиктор	B	SE	p-value	Exp (B)
Регион (Новосибирская область)			0,000	
Регион (Алтайский край)	-1,017	0,240	0,000	0,362
Регион (Республика Алтай)	0,030	0,253	0,907	1,030
Укажите, пожалуйста, Ваш пол (Мужчины)	-0,452	0,188	0,016	0,636
Ценности — Счастье, благополучие других	1,561	0,345	0,000	4,762
Ценности — Ощущение своей необходимости людям, обществу, государству	1,146	0,471	0,015	3,145
Ценности — Социальная справедливость	-0,730	0,235	0,002	0,482
Ответственность за то, что происходит в доме, во дворе	0,416	0,162	0,010	1,515
Ответственность за то, что происходит в стране	0,258	0,135	0,056	1,294

Предиктор	B	SE	p-value	Exp (B)
Значимость гражданства — Соблюдать законы, уважать конституцию	0,730	0,190	0,000	2,075
Значимость гражданства — Чувствовать уверенность и стабильность в экономическом и моральном плане	0,551	0,195	0,005	1,734
Представления о гражданстве — Нужно не надеяться на государство, большинство проблем можно решить сообща, объединив усилия	0,151	0,069	0,029	1,163
Показатели социальной сплоченности — Скажите, пожалуйста, возможно взаимопонимание и сотрудничество между молодежью и людьми старшего поколения?	-0,262	0,103	0,011	0,770
Доверие к политическим партиям	-0,376	0,148	0,011	0,687
Доверие к общественным организациям	0,424	0,136	0,002	1,528
Доверие к органам территориального общественного самоуправления	-0,303	0,127	0,017	0,739
Доверие к вооруженным силам	0,547	0,132	0,000	1,729
Доверие к полиции	-0,515	0,136	0,000	0,598

Модель виртуального участия (цифровой демократии)

Приверженность к цифровым технологиям и реализация гражданских позиций посредством виртуальных практик были предсказуемо в большей степени присущи молодому поколению, чем лицам среднего и старшего возраста (для переменной возраста $B = -0,29$, $OШ = 0,75$). Эта зависимость была довольно четкой: доля респондентов с выраженным типом виртуального участия составила в группе 18–24 лет 42,0%, в группе 25–34 лет — 37,5%, в группе 35–54 лет — 29,5%, 55–64 лет — 23,0% и в группе 65 лет и старше — 19,1%.

Кроме возраста отличительными особенностями данного паттерна являлись: более высокий уровень материального благополучия (увеличение на одну ступень в 1,5 раза повышало шансы стать «цифровым гражданином»), стремление к общественному признанию, уважению окружающих, власти и престижу ($OШ = 2,62$), ориентация на счастье и благополучие других ($OШ = 2,1$) и в особенности субъективная значимость реализации своих гражданских прав, что в четыре раза повышало шансы на вовлечение в виртуальную гражданскую активность. Представления «виртуальщиков» о гражданстве включали обязательное изучение истории своего народа. Они доверяли благотворительным организациям и обществам защиты прав потребителей, но не доверяли средствам массовой информации, судебной системе и президенту, высоко оценивали уровень социальной разобщенности и дезинтегрированности российского общества. Таким образом, данная модель участия описывалась посредством амбивалентных личностных характеристик и социальных диспозиций, сочетающих идеализм и скептицизм, эгоизм и альтруизм, ориентацию на защиту гражданских прав и осознание ее принципиальной невозможности в рамках существующей нормативно-правовой системы по причине ее дискредитированности (таблица 6).

Показатели регрессионной модели для фактора виртуального участия

Предиктор	B	SE	p-value	Exp (B)
Возраст	-0,285	0,091	0,002	0,752
Самооценка материального положения	0,413	0,177	0,020	1,511
Ценности — Власть, престиж, общественное признание, уважение окружающих	0,963	0,420	0,022	2,618
Ценности — Счастье, благополучие других	0,734	0,311	0,018	2,084
Ценности — Возможность реализовать гражданские и политические права, гражданская активность	1,456	0,611	0,017	4,290
Представления о гражданстве — Истинный гражданин всегда интересуется историей своего народа, своей страны / Чтобы быть хорошим гражданином, не обязательно хорошо знать историю своей страны	-0,221	0,073	0,003	0,801
Показатели социального самочувствия — Оценка возможности взаимопонимания и сотрудничества между «простыми людьми» и теми, у кого «много власти»	-0,368	0,100	0,000	0,692
Доверие к средствам массовой информации	-0,472	0,151	0,002	0,624
Доверие к обществам защиты прав потребителей	0,378	0,145	0,009	1,460
Доверие к благотворительным организациям	0,364	0,130	0,005	1,439
Доверие к Президенту РФ	-0,300	0,120	0,012	0,741
Доверие к судебной системе (судам, прокуратуре)	-0,297	0,132	0,025	0,743

Модель коммуникативного участия

Модель коммуникативного участия («ходоки», «челобитники», таблица 7) имела большую региональную вариабельность при прочих равных условиях: в Республике Алтай выраженность данного типа была практически в два раза выше, чем в Новосибирской области, тогда как различия между Алтайским краем и Новосибирской областью были не достоверны.

У лиц с выраженным фактором коммуникативного участия была в большей степени развита социальная ответственность (ОШ = 1,39), для них было важно чувствовать свою причастность к большим и малым делам государства (ОШ = 1,8). Высокий уровень обобщенного доверия (ОШ = 1,4) и доверия к Росгвардии (по факту — специализированным подразделениям МВД, обеспечивающим охрану общественного порядка) (ОШ = 1,5) сочетались с недоверием к вооруженным силам (ОШ = 0,63), а также неверием в возможности преодоления общественных разногласий, вызванных имущественным расслоением (ОШ = 0,812). Примечательно, что в данной модели практически не проявились социоструктурные факторы, акцент был смещен в сторону культурных факторов, задаваемых региональной специфи-

кой, ее ценностных и социально-психологических особенностей; т.е. не важно, к какой социально-экономической, половозрастной или статусной группе относились люди, в большей степени использующие данные практики, главными являлись их убеждения и общая направленность личности.

Таблица 7

Показатели регрессионной модели для фактора коммуникативного участия

Предиктор	B	SE	p-value	Exp (B)
Регион (Новосибирская область)			0,013	
Регион (Алтайский край)	0,057	0,254	0,823	1,059
Регион (Республика Алтай)	0,670	0,263	0,011	1,954
Ответственность за то, что происходит в городе, регионе	0,326	0,161	0,043	1,385
Значимость гражданства — Чувствовать себя причастным к большим и малым делам государства	0,604	0,235	0,010	1,830
Оценка социального самочувствия — Возможно ли, на Ваш взгляд, взаимопонимание и сотрудничество между людьми богатыми и людьми бедными?	-0,208	0,095	0,028	0,812
Доверие к государственным корпорациям (Роснано, РЖД и др.)	-0,348	0,135	0,010	0,706
Доверие к вооруженным силам	-0,462	0,146	0,002	0,630
Доверие к Росгвардии	0,403	0,147	0,006	1,496
Оценка обобщенного доверия — Как Вы думаете, если представится возможность, большинство людей попытались бы использовать Вас в своих интересах или вели бы себя порядочно?	0,347	0,177	0,049	1,415
Оценка обобщенного доверия — Как Вы считаете, большинству людей можно доверять — или в отношениях с людьми следует быть осторожными?	0,317	0,179	0,076	1,373

Модель ограниченного (минимального) участия

Данная модель имела наименьшее количество значимых детерминант, ключевое значение среди которых имел возраст (ОШ = 1,4). Действительно, распределение респондентов по степени выраженности данного фактора в возрастных группах показало, что среди лиц старшего возраста (55 лет и старше) доля «молчаливых зрителей» гораздо выше (65,1%) по сравнению с группой среднего возраста, где их тоже немало (50,9%), и молодежью до 24 лет (33,6%). Влияние возраста имплицитно проявилось и в других параметрах модели — выраженном доверии к вооруженным силам, желании чувствовать себя причастным к делам государства, нежелании вести спокойную размеренную жизнь (иными словами, стремлении сохранить активность), слабой значимости развлечений, романтики и приключений в ценностных ориентациях (таблица 8).

Таблица 8

Показатели регрессионной модели для фактора ограниченного (минимального) участия

Предиктор	B	SE	p-value	Exp (B)
Возраст	0,331	0,077	0,000	1,392
Ценности — Развлечения, романтика, приключения	-0,871	0,356	0,014	0,419
Ценности — Спокойная размеренная жизнь	-0,647	0,243	0,008	0,523
Ценности — Чувствовать себя причастным к большим и малым делам государства	0,598	0,213	0,005	1,818
Доверие к вооруженным силам	0,330	0,097	0,001	1,391

Модель протестного участия

Модель протестного участия, вопреки оценкам региональных рейтингов, согласно полученным эмпирическим данным, не имела региональной обусловленности. Ее главной характеристикой являлась ценность гражданских и политических прав и свобод, наличие которой в ценностных ориентациях почти в шесть раз (ОШ = 5,86!) повышала шансы на участие в протестных действиях. Значимыми являлись также ценности общественной безопасности и отсутствия военных угроз (ОШ = 2,05), чистоты природной среды (ОШ = 2,25), доверие к политическим партиям (ОШ = 1,6). Доверие к вооруженным силам (ОШ = 1,5) также положительно ассоциировалось с протестным поведением (вспомним какую роль играли военные в истории российских революций), тогда как Росгвардия, напротив, доверия у данной группы лиц не вызывала (ОШ = 0,71). Образование респондентов, хоть и являлось статистически значимым, на деле играло небольшую роль, лишь слегка увеличивая шансы попасть в группу протеста. В целом данная модель описывала поведение довольно многочисленной группы граждан с противоречивыми взглядами и требованиями (от экологов до правозащитников и представителей политической оппозиции), которых объединяло одно — готовность отстаивать свои убеждения с помощью протестных методов и технологий.

Таблица 9

Показатели регрессионной модели для фактора ограниченного (минимального) участия

Предиктор	B	SE	p-value	Exp (B)
Образование	0,131	0,062	0,035	1,140
Ценности — Общественная безопасность, отсутствие военной и других угроз стране	0,717	0,257	0,005	2,048

Предиктор	B	SE	p-value	Exp (B)
Ценности — Возможность реализовать гражданские и политические права, гражданская активность	1,768	0,628	0,005	5,862
Ценности — Чистота природной среды	0,810	0,301	0,007	2,249
Доверие к политическим партиям	0,461	0,137	0,001	1,586
Доверие к государственным корпорациям (Роснано, РЖД и др.)	-0,412	0,130	0,001	0,662
Доверие к вооруженным силам	0,414	0,129	0,001	1,513
Доверие к Росгвардии	-0,340	0,128	0,008	0,712

Модель партисипаторных исследований и целевой помощи

Напомним, что седьмой тип участия базировался на гражданских действиях, которые можно охарактеризовать как конкретную помощь, имеющую четкую локализацию и получателей (сдача крови, помощь бездомным животным), участие в партисипаторных исследованиях значимых социальных проблем. Вовлеченность в подобные виды активности, согласно регрессионному анализу, также была достоверно взаимосвязана с возрастом (среди молодежи до 24 лет доля респондентов с выраженным седьмым типом составила 44,6%, тогда как в группе 55 лет и старше — только 22,9%). Кроме возраста большую роль играли социальные ценности, такие как ощущение своей необходимости людям (ОШ = 2,5), активная деятельная жизнь (ОШ = 1,8), счастье и благополучие других (ОШ = 1,8), высокий уровень ответственности за то, что происходит в городе и регионе (ОШ = 1,6), внутренний локус контроля (ОШ = 1,6), законопослушность как часть представлений о гражданстве. При этом представители данного типа участия имели низкие оценки социального самочувствия и не доверяли органам местного самоуправления. По сути, данная модель являлась частным случаем гуманитарного типа участия, акцентированной на практиках определенного типа.

Таблица 10

Показатели регрессионной модели для седьмого фактора

Предиктор	B	SE	p-value	Exp (B)
Возраст	-0,253	0,083	0,002	0,777
Ценности — Активная, деятельная жизнь	0,560	0,211	0,008	1,750
Ценности — Счастье, благополучие других	0,603	0,291	0,038	1,828
Ценности — Ощущение своей необходимости людям, обществу, государству	0,920	0,379	0,015	2,509
Ответственность за то, что происходит в городе, регионе	0,448	0,147	0,002	1,565
Значимость гражданства — Соблюдать законы, уважать конституцию	0,361	0,184	0,050	1,435

Предиктор	B	SE	p-value	Exp (B)
Оценка социального самочувствия — Возможно ли, на Ваш взгляд, взаимопонимание и сотрудничество между людьми богатыми и людьми бедными?	-0,175	0,086	0,041	0,839
Доверие к органам местного самоуправления (мэрия, районная администрация)	-0,369	0,111	0,001	0,692
Локус контроля	0,449	0,155	0,004	1,567

Заключение

Проведенное в трех сибирских регионах социологическое исследование социальной активности населения показало, что гражданские практики населения определяются институциональными условиями, очерчивающими границы политических возможностей для выражения общественных требований и реализации гражданских инициатив. На региональном уровне эти рамки задаются социально-экономическим положением и качеством жизни населения, адаптивностью региональных политических систем, уровнем развитости гражданского общества и некоммерческого сектора, что, в свою очередь, на данном этапе развития государственно-гражданских отношений в значительной степени зависит от наличия механизмов и объемов получаемой государственной поддержки.

Общий уровень социальной активности населения довольно высок: как минимум от трети до половины населения в разных регионах считают себя общественно активными, однако направления этой активности и ее воплощение в конкретных гражданских действиях значительно дифференцированы, что стало предметом нашего анализа. Фактически только очень малая часть населения включена в существующую инфраструктуру общественных и политических организаций, что во многом определяется недоверием к действующей системе политических институтов, слабым уровнем взаимодействия населения и НКО. Таким образом, социальная активность большинства населения носит фрагментарный, эпизодический и индивидуализированный характер.

Нами были выделены и описаны семь моделей гражданского и политического участия населения. Почти все они имеют региональную и поселенческую специфику. Каждая из моделей определяется четким набором только ей присущих практик и совокупностью детерминант, среди которых наибольшее значение имеют институциональное доверие, ценностные ориентации и характеристики гражданской идентичности, формирующие равнодушное отношение к людям, обществу, территории проживания, принятие социальных проблем как лично значимых, готовность сделать что-то для их решения, ориентация на закон и существующий порядок. Выбор той или иной модели, помимо ценностно-мировоззренческих оснований, обусловлен социоструктурными факторами — уровнем и характером социальной дифференциации, многообразием социальных групп и спецификой их отношений друг с другом. Так, механизм формального участия в большей степени востребован со стороны более обеспеченных и успешных слоев регионального социума, виртуальные способы гражданского самовыражения — среди образованной

и финансово благополучной молодежи с выраженными постматериальными ценностями, пытающейся изменить мир к лучшему с помощью технологий цифровой демократии. Протестный потенциал, по данным нашего исследования, практически равномерно распределен по разным регионам. Вне зависимости от пола, возраста, места проживания, материального и семейного положения, около трети населения описывают себя посредством практик протестного участия. Это означает, что в случае создания определенных условий потенциал имеет опасность перерасти в реальную протестную деятельность. Адресная, контактная активность, волонтерская деятельность гуманитарной направленности имеют значительное распространение в сельской местности и там, где органы местного самоуправления и система социальной защиты действуют наименее неэффективно. Старшим поколениям, несмотря на намечающиеся перемены, к сожалению, чаще всего была уготована роль «молчаливых зрителей», пытающихся сохранить активность, но на деле вовлеченных скорее в созерцательные практики.

Эвристические возможности проведенного моделирования могут быть использованы в прикладных разработках для специалистов регионального некоммерческого сектора, картирования общественно-политической активности, составления информационных и методических материалов для подразделений органов власти, курирующих взаимодействие с институтами гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алтайский край вошел в десятку самых протестных регионов России. ИА Алтапресс. URL: <https://altapress.ru/politika/story/altayskiy-kray-voshel-v-desyatku-samih-protestnih-regionov-rossii-240468> (дата обращения: 01.07.2019).

Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю. Особенности массового сознания как фактор политического процесса в республике Алтай. Политическая наука, 2017, No. 1, 281–300.

Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998–2017 гг. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-17.xlsx (дата обращения: 01.07.2019).

Захаров С.Н. Политическое участие молодежи в условиях модернизации российского общества : дис. ... канд. полит. наук. М., 2001.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. Полис, 1997, No. 4, 6–32.

Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях. Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 01.07.2019).

Коннычев Д.В. Политическое участие (на примере российского регионального избирательного процесса): дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2000.

Кынев А.В. Качество региональных политических институтов: попытка измерения. Политическая наука, 2017, No. 4, 259–283.

- Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа. Социологические исследования, 1995, No. 1, 47–59.
- Омельченко Д.А., Авдеева Г.С. К вопросу об определении сущности современного молодежного политического акционизма. Социология в современном мире: наука, образование, творчество, 2015, No. 7, 174–178.
- Патрушев С.В. Гражданская активность как фактор модернизации. В кн.: Модернизация и политика в XXI веке. / Отв. ред. Ю.С. Оганисян. М.: РОССПЭН, 2011. С. 262–275.
- Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования). Полис, 2009, No. 6, 25.
- Радиков И.В. Ресурсы и потенциал российского влияния на систему международной безопасности. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения, 2013, No. 3, 66–73.
- Рейтинг протестной активности регионов России, апрель 2019 года. ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2626970.html> (дата обращения: 01.07.2019).
- Рейтинг российских регионов по качеству жизни. РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20190218/1550940417.html> (дата обращения: 01.07.2019).
- Рейтинг социально-экономической и политической напряженности регионов на 1 января 2017 года. Комитет гражданских инициатив. URL: <https://komitetgi.ru/projects/2901/#1> (дата обращения: 1.07.2019).
- Рост протестной активности населения. Результаты всероссийского рейтинга 2017–2018 гг. Центр экономических и политических реформ. URL: <http://cepr.su/2018/11/08/protests-2017-2018/> (дата обращения: 01.07.2019).
- Состояние сектора НКО в регионах Сибири, отчет по результатам исследования. Межрегиональный общественный фонд «Сибирский центр поддержки общественных инициатив». Новосибирск, 2015.
- Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы. Полис, 1999, No. 5, 170–176.
- Шарапов А.В. Выборы в Республике Алтай (14 сентября 2014 г.). Вестник Забайкальского государственного университета, 2017, 23(4), 76–83.
- Щенина О. Г. Участие молодежи в политических процессах современной России. В кн.: Политические перемены в современной России. Выпуск 1. М., Институт сравнительной политологии РАН, 2005. С. 128-150.
- Bauman Z. In search of politics. Stanford University Press, 1999.
- Beck U. Subpolitics: Ecology and the disintegration of institutional power. Organization & Environment, 1997, 10(1), 52–65.
- Beck U. World risk society as cosmopolitan society? Ecological questions in a framework of manufactured uncertainties. Theory, culture & society, 1996, 13(4), 1–32.
- Bennett W.L. The uncivic culture: Communication, identity, and the rise of lifestyle politics. PS: Political Science & Politics, 1998, 31(4), 741–761.

- Berger B. Political theory, political science and the end of civic engagement. *Perspectives on politics*, 2009, 7(2), 335–350.
- Campbell D. What Is Education's Impact On Civic And Social Engagement? Measuring the Effects of Education on Health and Civic Engagement. *Proceedings of the Copenhagen Symposium, OECD*, 2009, 25–126.
- Carroll S.J. The personal is political: The intersection and private lives and public roles among women and men in elective and appointive office. *Women & Politics*, 1989, 9(2), 51–67.
- Dahlgren P. Reconfiguring civic culture in the new media milieu. In: J. Corner, D. Pels (Eds.), *Media and the Restyling of Politics*. London: Sage, 2003. Pp. 151-170.
- Ekman J., Amnå E. Political participation and civic engagement: Towards a new typology. *Human Affairs*, 2012, 22(3), 283–300. doi:10.2478/s13374-012-0024-1.
- Fenton N. *New media, old news: Journalism and democracy in the digital age*. Sage Publications, 2010.
- Garrett K.R. Protest in an information society: A review of literature on social movements and new ICTs. *Information, communication & society*, 2006, 9(2), 202–224.
- Giddens A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford university press, 1991.
- Kaase M., Marsh A. Political action. A theoretical perspective. In: *Political action: Mass participation in five western democracies*. London: Sage, 1979. Pp. 27–56.
- Kahne J., Hodgin E., Eidman-Aadahl E. Redesigning civic education for the digital age: Participatory politics and the pursuit of democratic engagement. *Theory & Research in Social Education*, 2016, 44(1), 1–35.
- Lichterman P. *The search for political community: American activists reinventing commitment*. Cambridge University Press, 1996.
- Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D. and Maximova M. The trust as a social capital of civil society in contemporary Russia. *MATEC Web of Conferences* 212, 10004 (2018). ICRE 2018.
- Micheletti M., Stolle D. The market as an arena for transnational politics. In: Russell J. Dalton (Ed.). *Engaging youth in politics: debating democracy's future*. New York: IDEBATE Press, 2011. Pp. 161–169.
- Milbrath L.W., Goel M.L. *Political participation: How and why do people get involved in politics?* Rand McNally College Pub. Co., 1977.
- Norris P. *Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge University Press, 2001.
- Parry G., Moyser G., Day N. *Political participation and democracy in Britain*. Cambridge University Press, 1992.
- Van Deth J.W. Studying political participation: Towards a theory of everything. In: *Joint sessions of workshops of the European consortium for political research*. Grenoble, 2001. Pp. 6–11.

Verba S., Nie N.H. Participation in America: Social equality and political democracy. New York: Harper & Row, 1972.

Zukin C., Keeter S., Andolina M., Jenkins K., Carpini M.X.D. A new engagement? Political participation, civic life, and the changing American citizen. Oxford University Press, 2006.

REFERENCES

Altajskij kraj voshel v desyatku samyh protestnyh regionov Rossii. [The Altai region is among ten most protesting regions of Russia]. *IA Altapress*. Available at: <https://altapress.ru/politika/story/altajskiy-kraj-voshel-v-desyatku-samih-protestnih-regionov-rossii-240468> (accessed 1 July 2019).

Aseev, S.Yu., Shashkova, Ya.Yu. (2017). Osobennosti massovogo soznaniya kak faktor politicheskogo processa v respublike Altaj [Mass consciousness as a factor of the political process in the Altai Republic]. *Politicheskaya nauka* [Political science], no 1, 281–300.

Valovoj regional'nyj produkt po sub'ektam Rossijskoj Federacii v 1998–2017 gg. [List of Russian federal subjects by GRP in 1998–2017]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki*: oficial'nyj sajt [Federal state statistics service: official website]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-17.xlsx (accessed 1 July 2019).

Zaharov, S.N. (2001). *Politicheskoe uchastie molodezhi v uslovijah modernizacii rossijskogo obshhestva* [Political participation of youth under conditions of modernization of the Russian society] (PhD Thesis). Moscow.

Inglehart, R. (1997). Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva [Postmodern: changing values in changing societies]. *Polis* [Political studies], no 4, 6–32.

Number of registered nonprofit organizations in the Russian Federation. *Information portal of the Ministry of Justice*. Available at: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (accessed 1 July 2019).

Konnychev, D.V. (2000). *Politicheskoe uchastie (na primere rossijskogo regional'nogo izbiratel'nogo processa)* [Political participation (on the example of Russian regional electoral process)] (PhD Thesis). Saratov.

Kynev, A.V. (2017). Kachestvo regional'nyh politicheskikh institutov: popytka izmereniya [Quality of regional political institutions: Attempt of measurement]. *Politicheskaya nauka* [Political science], no 4, 259–283.

Nazarov, M.M. (1995). Politicheskij protest: opyt jempiricheskogo analiza [Political protest: experience of empirical analysis]. *Sotsiologicheskie Issledovanija* [Sociological research], no 1, 47–59.

Omelchenko, D.A., Avdeeva, G.S. (2015). K voprosu ob opredelenii sushhnosti sovremenogo molodezhnogo politicheskogo akcionizma [To the question about definition of modern youth political actionism]. *Sociologija v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* [Sociology in contemporary society: science, education, creation], no 7, 174–178.

Patrushev, S.V. (2011). Grazhdanskaja aktivnost' kak faktor modernizacii [Civic activity as a factor of modernization]. In: Ju. S. Oganis'jan (Ed.). *Modernizaciya i politika v XXI veke* [Modernization and politics in XXI century]. Moscow: ROSSPEN. Pp. 262–275.

Patrushev, S.V. Grazhdanskaya aktivnost': institucional'nyj podhod (perspektivy issledovaniya) [Civic engagement: institutional approach (research perspectives)]. *Polis* [Political studies], 2009, no 6, 25.

Radikov, I.V. (2013). Resursy i potencial rossijskogo vliyaniya na sistemu mezhdunarodnoj bezopasnosti [Resources and potential of Russia's influence on the international security system] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 6. Political science. International relations], no 3, 66–73.

Rejting protestnoj aktivnosti regionov Rossii, aprel' 2019 goda [Ranking of Russian regions by protest activity, April 2019]. *IA REGNUM*. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/2626970.html> (accessed 1 July 2019).

Rejting rossijskih regionov po kachestvu zhizni [Ranking of Russian regions by quality of life]. *RIA «Novosti»*. Available at: <https://ria.ru/20190218/1550940417.html> (accessed 1 July 2019).

Rejting social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy napryazhennosti regionov na 1 yanvarya 2017 goda [Ranking of Russian regions by socio-economic and political tension, January 2017]. *Komitet grazhdanskikh iniciativ* [Committee of Civic Initiatives]. Available at: <https://komitetgi.ru/projects/2901/#1> (accessed 1 July 2019).

Rost protestnoj aktivnosti naseleniya. Rezul'taty vserossijskogo rejtinga 2017-2018 gg. [The growth of protest activity of population. Results of All-Russian ranking in 2017-2018]. *Centr ekonomicheskikh i politicheskikh reform* [The Center on economic and political reforms]. Available at: <http://cepr.su/2018/11/08/protests-2017-2018/> (accessed 1 July 2019).

Sostoyanie sektora NKO v regionah Sibiri, otchet po rezul'tatam issledovaniya (2015) [The actual state of the third sector in the regions of Siberia. Report on the conclusions of the survey]. *Mezhregional'nyj obshchestvennyj fond «Sibirskij centr podderzhki obshchestvennykh iniciativ»* [Interregional public foundation «Siberian» center for public initiatives support]. Novosibirsk.

Kholmenskaja, M.R. (1999). Politicheskoe uchastie kak objekt issledovaniya. Obzor otechestvennoj literatury [Political participation as an object of study]. *Polis* [Political studies], no 5, 170–176.

Sharapov, A.V. (2017). Vybory v Respublike Altaj (14 sentyabrya 2014 g.) [Elections in the Altai Republic (14 September 2014)]. *Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of ZabGU], 23(4), 76–83.

Chenina, O.G. (2005). Uchastie molodezhi v politicheskikh processah sovremennoj Rossii [Participation of youth in political processes in contemporary Russia]. In: *Politicheskie peremeny v sovremennoj Rossii* [Political changes in contemporary Russia]. Issue 1. Moscow: Institute of comparative political science of the RAS. Pp. 128–150.

Bauman, Z. (1999). *In search of politics*. Stanford University Press.

Beck, U. (1997). Subpolitics: Ecology and the disintegration of institutional power. *Organization & Environment*, 10(1), 52–65.

Beck, U. (1996). World risk society as cosmopolitan society? Ecological questions in a framework of manufactured uncertainties. *Theory, culture & society*, 13(4), 1–32.

- Bennett, W.L. (1998). The uncivic culture: Communication, identity, and the rise of lifestyle politics. *PS: Political Science & Politics*, 31(4), 741–761.
- Berger, B. (2009). Political theory, political science and the end of civic engagement. *Perspectives on politics*, 7(2), 335–350.
- Campbell, D. (2009). What Is Education's Impact On Civic And Social Engagement? Measuring the Effects of Education on Health and Civic Engagement. *Proceedings of the Copenhagen Symposium, OECD*. Pp. 25–126.
- Carroll, S.J. (1989). The personal is political: The intersection and private lives and public roles among women and men in elective and appointive office. *Women & Politics*, 9(2), 51–67.
- Dahlgren, P. (2003). Reconfiguring civic culture in the new media milieu. In: J. Corner, D. Pels (Eds.), *Media and the Restyling of Politics*. London: Sage. Pp. 151–170.
- Ekman, J., Amnå, E. (2012). Political participation and civic engagement: Towards a new typology. *Human Affairs*, 22(3), 283–300. doi:10.2478/s13374-012-0024-1.
- Fenton, N. (2010). *New media, old news: Journalism and democracy in the digital age. Sage Publications*.
- Garrett, K.R. (2006). Protest in an information society: A review of literature on social movements and new ICTs. *Information, communication & society*, 9(2), 202–224.
- Giddens, A. (1991). *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford university press.
- Kaase, M., Marsh, A. (1979). Political action. A theoretical perspective. In: *Political action: Mass participation in five western democracies*. London: Sage. Pp. 27–56.
- Kahne, J., Hodgin, E., Eidman-Aadahl, E. (2016). Redesigning civic education for the digital age: Participatory politics and the pursuit of democratic engagement. *Theory & Research in Social Education*, 44(1), 1–35.
- Lichterman, P. (1996). *The search for political community: American activists reinventing commitment*. Cambridge University Press.
- Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D. and Maximova M. (2018). The trust as a social capital of civil society in contemporary Russia. MATEC Web of Conferences 212, 10004. ICRE 2018.
- Micheletti, M., Stolle, D. (2011). The market as an arena for transnational politics. In: Russell J. Dalton (Ed.). *Engaging youth in politics: debating democracy's future*. New York: IDEBATE Press. Pp. 161–169.
- Milbrath, L. W., Goel, M. L. (1977). *Political participation: How and why do people get involved in politics?* Rand McNally College Pub. Co.
- Norris, P. (2001). *Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge University Press.
- Parry, G., Moyser, G., Day, N. (1992). *Political participation and democracy in Britain*. Cambridge University Press.
- Van Deth, J.W. (2001). *Studying political participation: Towards a theory of everything*.

In: *Joint sessions of workshops of the European consortium for political research*. Grenoble. Pp. 6–11.

Verba, S., Nie, N.H. (1972). *Participation in America: Social equality and political democracy*. New York: Harper & Row.

Zukin, C., Keeter, S., Andolina, M., Jenkins, K., Carpini, M.X.D. (2006). *A new engagement? Political participation, civic life, and the changing American citizen*. Oxford University Press.